

Леонов Иван Владимирович

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ЗНАНИЯ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена изучению структурных компонентов ноогенеза в сфере интеллектуального освоения культурно-исторической реальности. Автор рассматривает проблему порождения знания посредством определения "регулярностей" и возникновения на их основе устойчивых тематических структур, осуществляет их группировку, затрагивает вопрос формирования тематических паттернов культурно-исторической реальности в контексте основных состояний адаптивного процесса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 123-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008:001.14

Статья посвящена изучению структурных компонентов ноогенеза в сфере интеллектуального освоения культурно-исторической реальности. Автор рассматривает проблему порождения знания посредством определения «регулярностей» и возникновения на их основе устойчивых тематических структур, осуществляет их группировку, затрагивает вопрос формирования тематических паттернов культурно-исторической реальности в контексте основных состояний адаптивного процесса.

Ключевые слова и фразы: сознание; адаптация; интеллект; операциональные группировки; культурно-историческая реальность; тематическая структура; тематический паттерн.

Иван Владимирович Леонов, кандидат культурологии

Кафедра теории и истории культуры

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

ivaleon@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ЗНАНИЯ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ[©]

Актуальность изучения закономерностей процесса познания культурно-исторической реальности обусловлена целым рядом причин, одной из которых является неспособность традиционно применяемых исторического и парадигмального подходов выйти на уровень анализа глубинных компонентов данного ноогенетического процесса, лежащих вне поля действия научных парадигм. Отмеченные подходы ограничиваются лишь внешней фиксацией развития знания на уровне построения определенных, как правило, прогрессирующих последовательностей, состоящих из качественно-своеобразных периодов.

Однако сравнительный анализ довольно серьезного числа общепризнанных теорий, созданных на протяжении истории науки в изучаемой области, позволяет констатировать, что в основе отмеченного ноогенеза помимо фактора парадигмального развития, отражающего научный рост знания, лежат периодические возвраты к одним и тем же основополагающим идеям, выходящим далеко за пределы собственно научного знания. Данные, глубоко укорененные в сознании субъекта идеи, устойчиво проявляются на протяжении всего познавательного процесса, начиная с ранних этапов истории. Более того, существует определенная логика, согласно которой отмеченные идеи группируются в целостности, отражаясь в различных элементах культуры и оказывая решающее влияние на научное развитие отмеченной сферы знания. Устойчивость данных идей, а также их целостностей позволяет предположить, что в основе их возникновения и существования лежат некоторые родовые признаки сознания человека. Совокупность указанных обстоятельств открывает перед научным сообществом целый пласт *глубинных структурных компонентов* процесса познания культурно-исторической реальности, вопрос изучения которых в настоящее время является актуальным и представляет большой исследовательский интерес.

Соответственно, целью настоящей статьи является изучение структурных компонентов процесса порождения знания о культурно-исторической реальности. Поставленная цель требует последовательного раскрытия ряда задач, а именно: дать определение структурным компонентам процесса познания культурно-исторической реальности; составить перечень данных структурных компонентов; раскрыть глубинные основания, определяющие процесс порождения отмеченных структур в сознании субъекта; определить основные параметры интеллектуального освоения культурно-исторической реальности; выявить логику, согласно которой структуры, актуализированные в сознании субъекта, приводятся в системное соответствие.

Анализ структурных элементов изучаемого ноогенеза следует начать с того, что сознание субъекта в ходе познавательного процесса порождает идеи (или эйдосы). Среди множества порождаемых идей некоторые возникают в сознании наиболее часто и периодически реанимируются на протяжении всего познавательного процесса. Данные «сквозные идеи» представляется уместным соотносить с понятием *«тематическая структура»*, введенным в научный оборот Джеральдом Холтоном (р. 1922).

Согласно учению Дж. Холтона, в научном знании существуют определенные тематические структуры, которые представляют собой наиболее устойчивые вопросы, возникающие при соприкосновении сознания с изучаемым объектом. Тематические структуры носят устойчивый универсальный характер, периодически проявляются на протяжении истории науки, обусловлены природой самого сознания и уходят своими корнями в далекое прошлое человечества. По сути дела, тематическая структура – это пример постоянного проявления идей, присутствующих в археологических пластах сознания – это магистральная (или ноогенетическая) линия развития укоренившейся в сознании субъекта идеи, выражающей устойчивое понимание познаваемой реальности.

Обзор наиболее распространенных устойчивых идей в сфере исследования культурно-исторического процесса позволяет предположить, что к области тематических структур в рассматриваемой проблеме относятся следующие: начала и конца, сворачивающейся и разворачивающейся спирали истории, порядка и хаоса, прошлого,

настоящего и будущего, жизненного цикла, неизменности и изменений, развития, прогресса и регресса, эволюции и инволюции, стабильности и переходности, рока судьбы, фатализма, наличия и отсутствия исторического закона, источника смысла (извне или от человека), общности и уникальности истории, мессианства, возрождения, золотого века, вечного возвращения и многие другие.

Даже самый общий анализ данного перечня ставит перед исследователем ряд трудностей. В частности, названный перечень тематических структур не имеет типологического единства. Происхождение, возраст и научная значимость многих тем достаточно различаются и трудно соотносятся. Например, многие темы имеют архетипическое происхождение и достаточно сильную степень укорененности в фольклорных, мифологических, религиозных и философских источниках, а некоторые темы имеют частнонаучное происхождение и даже конкретного автора. Соответственно, данные разнородные темы довольно трудно соотносить и рассматривать как равноценные. Кроме того, многие тематические структуры, хотя и выглядят как самостоятельные, однако с небольшими отличиями повторяют и дублируют друг друга, фактически развивая одни и те же идеи. Также ситуация усложняется тем, что процесс реанимации названных тем строится на их воспроизводстве не в буквальном виде, а в несколько измененном, причем меняется не только способ их выражения, но и форма, в которой они получают воплощение. В частности, возникнув в форме устного предания, тема может быть воспроизведена в магическом ритуале, мифе, позднее в религии, философском учении и научном знании. Причем даже в рамках названных областей процесс «мутации» тем продолжается. Более того, в научном знании названный процесс выглядит достаточно динамичным. И, наконец, тематические структуры могут реанимироваться в сочетании с другими темами и, соответственно, «подстраиваться» авторами под отмеченные сочетания. Таким образом, задача составления исчерпывающего списка тематических структур в области исследования культурно-исторического процесса в настоящее время представляется довольно актуальной, но достаточно трудной.

Дело в том, что тематические структуры с течением времени дифференцируются, усложняются и множатся, уходя от первоначального минимального перечня, сформировавшегося в сознании человека на ранних стадиях становления культуры. Соответственно, довольно перспективным выглядит вариант рассмотрения генезиса тематических структур на начальных этапах истории. Такой подход дает возможность проследить «ноогенетические траектории» в развитии и усложнении тематических структур, берущие свое начало от становления ранних тем и вплоть до современности. Кроме того, данный генетический подход позволяет изучать генезис тематических структур и в обратном хронологическом порядке – от современной сложности к первоначальному минимальному перечню.

Анализ серьезного числа источников и культурно-исторических концепций показывает, что в сфере изучения процесса познания культурно-исторической реальности тематических структур, берущих свое начало на ранних этапах становления культуры и проявляющихся в течение всего периода развития знания, достаточно мало. С этим обстоятельством, характерным для научного знания в целом, «связана древность многих тем и их постоянное воспроизводство как в течение спокойной эволюции науки, так и во время “революций”» [6, с. 27]. В данном случае показательным является мнение самого Дж. Холтона, который, решая задачу идентификации и упорядочивания тематических элементов научных дискуссий, проводит аналогию с подходом «фольклориста или антрополога, выслушивающих эпические предания с целью выявления глубинных тематических структур и повторов» [Там же, с. 26].

Однако формулирование емкого перечня «изначальных тем», создание их классификаций и типологий, а также построение генетических линий развития рассматриваемых структур не проливают свет на важный и неизбежно возникающий вопрос, касающийся природы тематических структур, а именно вопрос поиска глубинных оснований, определяющих процесс порождения тем в *сознании субъекта*. Кроме того, и сам перечень «изначальных тем» и логика его усложнения, а также процесс реанимации и угасания отдельных тематических структур должны иметь тесную связь с существенными характеристиками сознания.

Поскольку, соприкасаясь с различными формами конкретно-исторической реальности, сознание человека проявляет определенные реакции, выраженные в реанимации тех или иных тематических структур, можно заключить, что данный процесс имеет тесную связь с развитием *адаптивной функции сознания*. Анализ отмеченного вопроса показывает, что проблема происхождения тематических структур в процессе развития адаптивной функции сознания находит свое теоретико-методологическое обоснование на стыке двух качественно различных областей знания, а именно предметной области биологии и психологии, в частности гештальтпсихологии, психологии интеллекта и когнитивной психологии. В указанном научном синтезе становление и развитие высшей нервной деятельности, психологической сферы и интеллектуальных способностей человека рассматривается как следствие развития его адаптивных структур.

На тесную связь проблемы происхождения и реанимации тем с предметной областью психологии указывал сам Дж. Холтон, в частности, анализируя вопрос возникновения тематических структур, автор отмечает, что «нам необходимо больше знать об источниках тем. <...> ...хорошим исходным пунктом в этом деле был бы подход, акцентирующий взаимосвязи между когнитивной психологией и индивидуальной научной деятельностью» [Там же, с. 40]. И далее Холтон пишет, что «большинство составляющих частей тематического воображения ученого, быть может, даже все оно целиком, оформляется еще до того, как он превращается в профессионала, а некоторые из особенно прочно удерживающихся тем заметны даже в детстве. Все это, конечно, стоит дальнейших исследований» [Там же]. Таким образом, истоки тематических структур следует

искать в архаических пластах сознания, затрагивающих глубинные основы психики и имеющих тесную связь с филогенетическим опытом человечества.

Следует отметить, что отношение к психологии в вопросе объяснения процесса возникновения нового знания со стороны философии науки достаточно противоречиво. Помимо Дж. Холтона в поддержку использования достижений психологии в области изучения процесса возникновения знания высказывался Пол Карл Фейерабенд (1924-1994). Например, в изучении вопросов формирования «устойчивых высказываний», «стилей» и «языков науки» П. Фейерабенд неоднократно ссылается на результаты психологических исследований, представленных в работах Ж. Пиаже и Э. Леви [5, гл. 17]. Более осторожную точку зрения выразил Томас Сэмюэл Кун (1922-1996), отнеся многие вопросы, связанные с научными предпочтениями ученых и путями развития науки в целом, к компетенции психологов, однако сравнивая сложность и неразрешимость данных вопросов с «ящиком Пандоры» и отмечая, «что открыв ящик Пандоры, я же его и захопну. В этих вопросах слишком много такого, чего я и сам не понимаю и не должен делать вид, будто понимаю» [2, с. 564].

В резкой форме характеризует познавательные возможности психологии австрийский философ и социолог Карл Раймунд Поппер (1992-1994), отводя данному знанию второстепенную роль и отмечая, что психологический подход во многом уступает познавательному потенциалу изучения продуктов «3-го мира», т.е. результатов деятельности [4, с. 449]. Кроме того, автор и вовсе склонен не доверять тем научным теориям, которые основаны на личных убеждениях их создателей и практически не поддаются верификации, хотя и не отбрасывает их вовсе, отмечая некоторую пользу подобного рода слабоверифицируемых научных исканий. Крайнюю степень неприятия К. Поппер выразил по отношению к психоанализу и индивидуальной психологии, сравнивая данные дисциплины с псевдонаукой, астрологией и примитивными мифами, не имеющими верифицируемого эмпирического базиса [Там же, с. 241]. Однако в изучении проблем возникновения нового знания, а именно рождения замысла и создания новых теорий, автор пишет о невозможности раскрыть данные вопросы полностью при помощи логического анализа, отмечая, что «вопрос о путях, по которым новая идея... приходит человеку, может представлять существенный интерес для эмпирической психологии, но он совершенно не относится к логическому анализу научного знания» [Там же, с. 50-51]. Таким образом, отношение философов науки к эвристическим возможностям психологии в области описания механизмов зарождения нового знания можно охарактеризовать как довольно осторожное и скептическое. В свою очередь, изучение работ отмеченных авторов показывает, что в решении данных вопросов представители философии науки, в конце концов, склонны отсылать читателя к предметной области психологии, обращая внимание на сферу таинственности и загадочности истоков возникновения идей в сознании субъекта.

Однако психология располагает вполне состоятельными теориями, позволяющими подобрать теоретико-методологические основания для объяснения процесса порождения и развития тематических структур, опираясь на адаптивную функцию сознания, выраженную в приспособительных реакциях субъекта на взаимодействия со средой.

Весомый вклад в изучение адаптивной функции сознания внес швейцарский психиатр Карл Густав Юнг (1875-1961), по мнению которого, «душу следует понимать как *приспособительную систему, обусловленную внешними земными причинами*» [7, с. 134]. Автор отмечал, что живые организмы имеют тесную связь с окружающим миром и их физическое состояние напрямую зависит от средового фактора: «То же самое относится и к душе. Ее своеобразная организация также должна быть самым тесным образом связана с условиями внешней среды. От сознания мы можем ожидать приспособительных реакций и проявлений, ибо сознание в известной степени является частью души...» [Там же, с. 126]. По мнению К. Юнга, душа обнаруживает систему приспособительных реакций, соответствующих закономерным физическим событиям: «Под этим я подразумеваю не функцию восприятия, связанную с органами чувств, а скорее особого рода психические явления, параллельные физическим закономерностям» [Там же, с. 127]. Таким образом, К. Юнгом была обозначена четкая зависимость психической жизни от внешних условий, вследствие чего имеет место формирование определенных устойчивых реакций в сфере психической жизни на те или иные средовые факторы.

Однако наибольший интерес в данной области исследований представляет операциональная концепция интеллекта швейцарского психолога Жана Пиаже (1896-1980), отмечавшего перспективность синтеза достижений психологии, философии науки и биологии в изучении генезиса интеллектуальных способностей человека. В частности, Ж. Пиаже писал, что «психологические теории интеллекта располагаются как бы между биологическими теориями адаптации и общими концепциями познания. В том, что существует родство между психологическими теориями и эпистемологическими учениями, нет ничего удивительного, ибо, хотя психология и освободилась от философской опеки, к счастью, еще остались пути, связывающие изучение психических функций с исследованием процессов научного познания» [3, с. 70].

В своей теории Ж. Пиаже в качестве стержневого элемента приспособительных реакций человека рассматривает понятие «интеллект», под которым подразумевает «высшие формы организации или равновесия когнитивных структурирований» [Там же, с. 65], обеспечивающих адаптацию, то есть равновесие между взаимодействием организма и среды. Адаптивный процесс состоит из двух компонентов – ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция в самом широком смысле трактуется Ж. Пиаже как действие организма на окружающие его объекты, «поскольку это действие зависит от предшествующего поведения, направленного на те же самые или на аналогичные объекты» [Там же, с. 66]. Под аккомодацией автор понимает обратное воздействие среды на организм. В данном случае Ж. Пиаже использует биологическую терминологию, несколько расширяя ее смысловое содержание и сферу употребления.

В своей работе Ж. Пиаже удалось «примирить» две противоположные точки зрения на источник причин интеллектуального развития. В частности, согласно концепции автора, не внешние и не сугубо внутренние причины, имманентно присущие субъекту, являются источником развития интеллекта, данное развитие в равной мере строится на пересечении средового и субъективного факторов.

Первоначально, по мнению Ж. Пиаже, организм сталкивается с прямым взаимопроникновением со средой, однако с появлением психической жизни постепенно возникают опосредствованные взаимодействия субъекта и объектов, осуществляющиеся на все более значительных пространственно-временных расстояниях и по все более сложным траекториям. Интеллект, с его логическими операциями и их «группировками», обеспечивающими устойчивое и вместе с тем подвижное равновесие между универсумом и мышлением, продолжает и завершает совокупность адаптивных процессов, являясь их высшей формой.

Несомненной заслугой Ж. Пиаже является то, что ему удалось описать поэтапный процесс становления и развития интеллекта в контексте приспособительных реакций организма, обозначив его основные параметры. Тем самым был создан теоретический базис для изучения генезиса мыслительных процессов в целом и тематических структур в частности.

Использование концепции Ж. Пиаже в качестве теоретико-методологического базиса для изучения механизма порождения и актуализации тематических структур в сознании субъекта позволяет зафиксировать несколько основных состояний адаптивного процесса, которые оказывают прямое влияние на изучаемую проблему. Во-первых, следует отметить состояние «*равновесия адаптивных структур*», которое позволяет субъекту выработать адекватные операциональные группировки или механизмы взаимодействия с реальностью и синхронизировать свое существование с ее «ритмами». Данное состояние наиболее желаемо для организма и обеспечивает ему комфорт и безопасность. Во-вторых, качественным своеобразием характеризуется состояние «*роста адаптивных структур*», в котором отмечается опережающий рост ассимиляции по отношению к аккомодации. Данный процесс характеризуется тем, что субъект, создав операциональные группировки высокого адаптивного уровня, постоянно наращивает и совершенствует механизмы взаимодействия со средой, приспособлявая ее к своим нуждам. В-третьих, противоположным по отношению к предыдущему является состояние «*снижения адаптивных структур*», характеризующееся доминантой аккомодивной составляющей. В этом случае интеллектуальные структуры, выработанные субъектом, перестают обеспечивать равновесие либо рост адаптивных структур и ведут к понижению возможности субъекта синхронизировать свое существование с «ритмами» внешнего мира. И наконец, в-четвертых, большой интерес представляет состояние «*переключения*» или перегруппировки интеллектуальных операций в процессе адаптации. Данное состояние можно охарактеризовать как момент выбора подходящей операциональной группировки из уже существующих в опыте субъекта либо как момент создания новой интеллектуальной структуры, способной обеспечить адаптивный процесс.

Таким образом, отмеченная классификация основных состояний адаптивного процесса позволяет сформулировать предположение, согласно которому рассмотренные состояния адаптации лежат в основе формирования наиболее общих трактовок культурно-исторической реальности, состоящих из определенных тематических единиц или паттернов. По сути дела, паттерн или «*тематический паттерн*» – это принцип, согласно которому тематические структуры, актуализированные в сознании субъекта, приводятся в логическое соответствие. Паттерны создают возможность комплексного объяснения познаваемой реальности на основании актуализированных реакций сознания путем приведения «тематических сумм» в «системные целостности».

Относительно того, каким образом субъект при помощи сознания синхронизирует свое существование с вмещающей средой, существует несколько мнений. В частности, согласно концепции Ж. Пиаже, субъект в расширяющемся пространственно-временном диапазоне, имея способность к фиксации движений, при помощи интеллекта создает «операциональные группировки», опосредующие его взаимодействие с реальностью [Там же, с. 55-231], иначе говоря, субъект вырабатывает адекватные реакции, как бы подстраиваясь под «ритмы» средового фактора.

В данном случае показательно мнение американского физика австрийского происхождения, философа Фридьофа Капры (р. 1939), сторонника синергетической теории самоорганизации и развития живых систем. В частности, описывая принципы организации и самосохранения данных систем, автор отмечает, что в основе их жизнедеятельности заложен фактор «сознательного» реагирования на изменения среды [1]. В результате системы получают возможность вписаться в среду на принципах коэволюции. Следует уточнить, что термин «сознание» используется в трактовке Ф. Капры в достаточно широком смысле, а именно автор подразумевает под «сознанием» способности всех живых систем реагировать на внешние воздействия.

Схожую точку зрения на природу «сознательных» реакций живых организмов на средовые воздействия выразил К. Поппер, отмечая, что «животные и даже растения постоянно решают проблемы. И решают они свои проблемы посредством метода конкурирующих предварительных пробных решений и устранимых ошибок» [4, с. 486]. Данный метод проб и ошибок, иронизирует К. Поппер, «применяется не только Эйнштейном, но – более догматически – даже амебой. Различие заключается не столько в пробах, сколько в критическом и конструктивном отношении к ошибкам...» [Там же, с. 269]. Таким образом, в результате решения тех или иных «проблем», вызванных взаимодействием со средой, живые организмы приспособляются к ней, постоянно совершенствуя свои адаптивные механизмы.

Однако в первую очередь анализ адаптивной функции сознания предполагает ответ на ряд вопросов, а именно: каким образом возникает новое знание и что лежит в основе данного процесса?

Схожие варианты ответа на поставленные вопросы содержатся в работах философов науки К. Поппера и Т. Куна. В частности, К. Поппер пишет, что в основе порождения нового знания лежит присущая субъекту *a priori* потребность находить «регулярности» и «повторы». Причем данная потребность связана «с врожденной склонностью к поискам регулярностей или с *потребностью находить* регулярности, что хорошо видно из того удовольствия, которое получает ребенок, когда удовлетворяет эту потребность» [Там же, с. 262]. К. Поппер отмечает, что «мы ожидаем существования регулярностей повсюду и пытаемся искать их даже там, где их нет. События, которые не поддаются этим попыткам, мы склонны трактовать как некоторый вид “шумового фона” и не оставляем наших ожиданий даже в том случае, когда они оказываются неадекватными и нам следовало бы признать свое поражение» [Там же, с. 264]. Именно посредством выявления и предсказания регулярностей человек может говорить о том, что обладает знанием: «Даже наши собственные наблюдения мы не принимаем всерьез и не приписываем им статус научных наблюдений до тех пор, пока не повторим и тем самым не проверим их» [Там же, с. 68]. Научившись определять «регулярности», субъект получает возможность узнавать и предсказывать их, и, соответственно, вырабатывая адекватные способы реагирования, формировать новое знание.

В подобном ключе построена и теория Т. Куна. Автор, анализируя первичные механизмы появления знания, отмечает высокую роль выявления «сходств». В частности, указывая на то, что логическое знание о природе является приобретенным «в процессе установления сходства между различными ситуациями и в силу этого воплощенное скорее в способе видения физических ситуаций, чем в правилах или законах» [2, с. 245]. Способность субъекта видеть данные сходства строится на его умении подбирать и конструировать соответствующие гештальты. Субъект, сталкиваясь с изменениями в среде, отбрасывает устаревший гештальт и подбирает подходящий из уже существующих в опыте либо создает новый, позволяющий устанавливать «сходства» и, соответственно, реагировать на них.

Таким образом, способность познающего субъекта определять отмеченные «регулярности» (или «повторы» и «сходства») позволяет ему вырабатывать соответствующие адаптивные реакции, в основе которых лежат возникшие в процессе его жизнедеятельности интеллектуальные структуры, закрепленные в условных рефлексах, приобретенных навыках и, в первую очередь, в культурном коде. «Регулярности» – это, по сути дела, фактор четкого соответствия адаптивных структур, выработанных субъектом, определенным реальным условиям. Причем данные условия субъект способен помнить, узнавать, предвидеть, объяснять и оценивать, заранее имея механизм реагирования. Развитие интеллекта в процессе адаптации позволило человеку произвольно группировать интеллектуальные операции на основании определения «регулярностей» в широком пространственно-временном диапазоне, включая ценностно-смысловую составляющую. Тем самым был заложен механизм развития творческого мышления, приобретения и сохранения знания.

Тематическая структура представляет собой не иначе как устойчиво фиксируемую сознанием «регулярность», а именно процессы и явления культурно-исторической реальности, которые предсказуемо повторяются. Данный вид «регулярностей» характеризуется тем, что они проявляют себя достаточно часто. Их возникновение в сознании субъекта на протяжении познавательного процесса фиксируется во множестве конкретных случаев и не связанных между собой ноогенезов и в определенной степени заложено природой как самого сознания, так и спецификой познаваемой реальности. Отмеченное обстоятельство позволяет говорить об универсальности, по крайней мере, наиболее архаических тематических структур на общечеловеческом уровне.

Далее необходимо рассмотреть вопрос определения основных параметров интеллектуального освоения культурно-исторической реальности, а также закономерностей, согласно которым тематические структуры группируются в системные целостности или тематические паттерны.

Основные параметры интеллектуального освоения культурно-исторической реальности напрямую связаны с отмеченной выше способностью субъекта определять «регулярности» в широком пространственно-временном диапазоне, включая ценностно-смысловую составляющую. Соответственно этому утверждению можно сформулировать пять параметров познавательного процесса, касающихся в том числе и изучаемой области, а именно: время, пространство, движение, смысл, отношение. В этих параметрах в сознании субъекта формируются первые темы, образуя «тематическую сумму», на основании которой формируются «тематические целостности».

Итак, первый параметр – *время*. На протяжении истории понимание времени с развитием интеллекта менялось. Однако общая схема его восприятия, тесно связанная со способностью субъекта переживать, запоминать и предвидеть, была сформирована уже в архаической древности, в частности, речь идет о способе трактовать время как последовательность «прошлое – настоящее – будущее». Свидетельства данного архетипического понимания временного процесса встречаются в многочисленных археологических, мифологических и фольклорных источниках. В результате были сформированы первые тематические структуры восприятия времени: соответственно, темы «прошлого», «настоящего», «будущего», «начала» и «конца». Востребованность указанных тем в сознании субъекта получила четкую зависимость от состояния адаптивных структур.

В процессе развития культуры отмеченный диапазон восприятия времени и, соответственно, тем получил многочисленные объяснения и хроноструктурные формы. Следует отметить, что качественные изменения в названной трактовке времени начинают происходить лишь в XX столетии в работах А. Бергсона, Ф. Броделя и др., на фоне кризиса традиционных способов понимания исторического времени.

Второй параметр – *пространство*. Данный параметр представляет собой «вмещающие рамки адаптивной ситуации», иначе говоря, определяет границы интеллектуального освоения реальности. В контексте адаптивного

процесса пространственные параметры восприятия реальности субъектом либо сохраняются на одном уровне, либо меняются в направлении расширения или сужения. Расширение пространственных рамок познавательного процесса является следствием роста адаптивных структур, сужение – следствием их снижения.

Третий параметр – *движение*. В данном случае речь идет о способности субъекта фиксировать изменение реальности, в контексте которых он определяет «регулярности», в первую очередь – модели или схемы истории. По сути дела, любая модель культурно-исторического процесса – это своеобразная регулярная последовательность, построенная на принципах периодических повторов или циклического воспроизводства сохраняющихся неизменными либо стабильно меняющихся состояний.

Анализ основных «регулярностей» или моделей культурно-исторического процесса позволяет утверждать, что в определенной степени все они циклически, поскольку в основу каждой из них заложен фактор периодичности предсказуемых состояний. Предсказуемость данных состояний выражается в их неизменности либо в изменениях, выраженных в параметрах меняющейся частоты и амплитуды.

Наиболее архаической моделью культурно-исторического процесса является циклическая, основанная на факторе повторов, близких к буквальным. Несколько позже в процессе развития культуры формируется концепция разового цикла от «рождения до смерти», концепция сворачивающейся или разворачивающейся спирали, а также волновая модель. Далее возникает линейная концепция истории, в основу которой был заложен фактор прогрессивной, стабильной или регрессивной периодичности. И в последнюю очередь возникают модели, описывающие сложные или вариативные формы динамики. Все отмеченные модели истории уместно обозначить как тематические структуры, вопрос популяризации которых имеет тесную связь с адаптивным процессом.

Отдельного рассмотрения в данном пункте заслуживают наиболее древние темы – «порядка» и «хаоса». Тема «порядка» отражает зафиксированную субъектом «регулярность», иначе говоря, его способность видеть в культурно-историческом процессе некоторую логику в виде определенных «ритмов», «сходств» и «повторов». Тема «хаоса», в свою очередь, характерна для состояния, когда субъект не может выделить «регулярности» в культурно-историческом процессе. С данными архетипическими темами тесно связаны возникшие в рамках научного знания темы «стабильности» и «переходности».

Четвертый параметр – *смысл*. По сути дела, рождение смысла в сознании субъекта – это основа возникновения явного знания. Осмысление позволяет субъекту объяснить скрытые свойства объекта и, кроме того, позволяет «вписать» изучаемый объект в общую структуру смоделированного им мироустройства. В данном случае наблюдается явная близость термина *смысл* по отношению к термину *паттерн*, в частности в трактовках паттерна как принципа организации отдельных систем и системы мироздания в целом.

В сфере познания смысловой составляющей культурно-исторического процесса следует отметить, что смысл организует и связывает факты, события и объекты, а также «регулярности», которые субъект выделяет в некотором пространственно-временном диапазоне конкретно-исторической реальности. Необходимо подчеркнуть, что субъектом смыслотворчества в изучаемом вопросе может выступать как коллективный, так и индивидуальный субъект. На коллективном и наиболее типичном для данной сферы создания смыслов уровне им может являться отдельная культура либо цивилизация, государство, а также человечество в целом. На индивидуальном и относительно редком уровне субъектом смыслотворчества является конкретная личность.

В первую очередь смысл должен объяснить и оправдать наличие определенной реальности и особенностей ее устройства. Поэтому смыслы истории иногда выражают не столько желаемое для самого субъекта, сколько действительное и обусловленное реальностью положение вещей. В этом плане смысл, будучи созданным субъектом, в некоторых случаях противоречит его желаниям и устремлениям.

В смысловой сфере культурно-исторического процесса особое место занимает тема «источника смысла». По мере развития культуры и осознания человеком своих возможностей спектр тем источника смыслотворчества постепенно расширяется, начиная с темы «происхождения смысла извне», заканчивая темой «происхождения смысла от самого человека». Данный процесс породил целый спектр тематических структур, выраженных в принятии и непринятии смысла, активной и пассивной позиции по отношению к смыслу, противостоянии и следовании року судьбы. Наконец, можно отметить тему «отсутствия смысла», конкретизируемую в концепциях «бесмыслицы» и «абсурдности» истории. Данные крайние трактовки, как правило, рождаются в периоды кризисов.

Пятый параметр – *отношение* – из всех выделенных параметров познавательного процесса является наиболее субъективным и трудным для изучения. Отмеченный параметр познания включает аксиологическую составляющую, сферу этического и эстетического, а также психо-эмоциональное состояние субъекта, возникающее в отношении познаваемой реальности.

Анализируя данный сверхсложный параметр, необходимо отметить, что способность субъекта усматривать ценности как источники блага, а также познавать мир, испытывая при этом определенные психо-эмоциональные состояния, основываясь на дихотомии добра и зла, прекрасного и безобразного и, наконец, вкусовых предпочтениях, составляет сущностную характеристику не только процесса познания, но и субъекта как такового, определяя его видовое начало. Иначе говоря, в силу специфики собственной природы человек не может познавать что-либо без проявления своего отношения к изучаемому объекту. Согласно сказанному можно заключить, что все темы, получая множество различных конкретно-исторических воплощений, «окрашиваются» *отношением* со стороны субъекта, включая диаметрально противоположные оценки.

К тематическим структурам в сфере познания культурно-исторического процесса, отражающим *отношение* субъекта, можно отнести, например, темы «светлого будущего», «легендарного прошлого», «сохранения вековых традиций», «создания инноваций», «величия» и «угасания нации», «мессианства», «исторического оптимизма», «смирения с роком», «конца света», «мирового господства», «возрождения», «застоя», «всепоглощающего хаоса» и др.

Вопрос установления закономерностей, согласно которым тематические структуры группируются в целостности, в контексте описанных выше параметров познавательного процесса решается в зависимости от четырех вариантов соотношения адаптивных структур субъекта и конкретно-исторической реальности на тот или иной момент времени, а именно равновесия, роста, снижения и переключения. В результате в зависимости от состояния указанных структур в сознании субъекта реанимируются некоторые из комплекса перечисленных выше тем, образуя соответствующие основным состояниям адаптивного процесса «тематические целостности» или паттерны. Каждый из отмеченных паттернов характеризуется логической сопряженностью тематических структур в параметрах времени, пространства, движения, смысла и отношения. В данном случае можно предположить, что основу научных трактовок культурно-исторического процесса составляют не только устойчивые представления о далеком прошлом и незримом будущем. В рассматриваемом вопросе определяющую роль для познающего субъекта играет современное состояние адаптивных структур по отношению к конкретно-исторической реальности, с которой он взаимодействует.

Как уже отмечалось выше, в контексте основных состояний адаптивного процесса в сознании субъекта формируются наиболее общие трактовки культурно-исторической реальности, представляющие собой тематические единства или паттерны. Данные паттерны имеют достаточно древнее происхождение и тесным образом связаны с филогенетическим опытом человечества. Их реанимация в сознании носит во многом произвольный характер и сравнима с достаточно устойчивыми механизмами интеллектуального реагирования субъекта на изменения среды.

Тематические паттерны присутствуют в сознании субъекта на всех этапах ноогенеза, являясь своеобразным «интеллектуальным фоном» для создания научных трактовок культурно-исторической реальности в тот или иной период развития знания. В результате действия тематических паттернов в истории науки наблюдаются периодические всплески интереса ученых к определенным идеям и их «целостностям».

Таким образом, вопрос изучения глубинных оснований процесса познания культурно-исторической реальности представляет собой достаточно перспективную область исследований, выраженную в выявлении и изучении глубоко укорененных в сознании субъекта тематических структур данного процесса, а также закономерностей образования тематических целостностей или паттернов, оказывающих влияние на развитие научного знания в отмеченной сфере.

Детальное рассмотрение механизмов тематического сопряжения паттернов культурно-исторической реальности, возникших в контексте основных состояний адаптивного процесса, планируется автором настоящей статьи в последующей публикации.

Список литературы

1. Капра Ф. Паутина жизни: новое научное понимание живых систем / пер. с англ.; под ред. В. Г. Трилиса. М.: Гелиос, 2002. 336 с.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания: избранные работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. статья В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
5. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
6. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. 383 с.
7. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. с нем. А. М. Боковой; предисл. А. В. Брушлинского. Изд-е 2-е. М.: Флинта, 2006. 336 с.

STRUCTURAL COMPONENTS OF CULTURAL-HISTORICAL REALITY KNOWLEDGE GENERATION PROCESS

Ivan Vladimirovich Leonov, Ph. D. in Culturology

Department of Culture Theory and History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen in St. Petersburg

ivaleon@mail.ru

The author studies the structural components of noogenesis in the sphere of cultural and historical reality intellectual assimilation, considers the problem of knowledge generation through the determination of “regularities” and stable thematic structures origination on their basis, carries out their grouping, and raises the question of cultural-historical reality thematic patterns formation in the context of the basic states of adaptive process.

Key words and phrases: consciousness; adaptation; intelligence; operational groupings; cultural-historical reality; thematic structure; thematic pattern.